

УДК 93/94.398:76
DOI 10.52452/19931778_2021_3_49

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ САТИРЫ В РОССИИ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БАБЫ-ЯГИ)

© 2021 г.

А.А. Орлова, Ю.С. Обидина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

alya-orlova-97@mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021

Актуальность статьи связана с необходимостью привлечения новых источников, особенно визуальных, в исторические исследования с позиций междисциплинарных подходов к отдельным проблемам и сюжетам. В качестве такого рода источников в статье рассмотрены лубочные картинки с Бабой-Ягой. Выявлены особенности изображения данного персонажа с точки зрения исторического контекста. В соответствии с целью исследования, осуществлено сравнение образа Бабы-Яги из лубков с образом из волшебных сказок для анализа отражения в них исторических и социальных реалий. Сделан вывод о том, что внешность и атрибуты Бабы-Яги – героини лубков заимствованы из сказок, но персонаж помещен в нетипичный для него контекст. Высказано предположение, что причина этого кроется в специфике лубочных картинок, которые, отражая исторические реалии, зачастую носили сатирический характер, чем и обусловлены особенности изображения персонажей, а также набор ситуаций, в которых они фигурируют.

Ключевые слова: визуальные исследования, волшебные сказки, социальная сатира, Баба-Яга, лубочные картинки.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения визуализации народной культуры как специального предмета. В западноевропейской исторической науке проблема визуализации в последние десятилетия не сдает позиций, исследователи ищут компромисс между «видимым» и «визуальным», пытаются ответить на вопрос, как образ функционирует в сознании, в памяти и восприятии, какую роль при этом играет исторический и социокультурный контекст.

С позиций визуализации в российской науке обозначился интерес к изучению персонажей русских волшебных сказок, проявляющийся в рассмотрении самых разных аспектов их образов. Фольклорные персонажи привлекают внимание не только филологов, лингвистов, этнологов, но и историков. В рамках междисциплинарных исследований историки обращаются к произведениям фольклора, в частности к волшебным сказкам, в связи с тем, что они сохранили следы многих мифологических представлений, обрядов и обычаев. Новизна современных подходов связана в первую очередь с тем, что внимание сосредоточивается на том, что становится видимым, кто это видит, как это видимое понимается и соотносится с властными взаимоотношениями.

Внимание исследователей сосредоточено в основном на известных фольклорных персонажах, таких как Баба-Яга и Кошей Бессмертный.

Достаточно подробно проработан вопрос о мифологических корнях этих персонажей, их связи с древними представлениями о смерти и обрядами перехода. Однако неизученных моментов остается достаточно много. Например, тема, связанная с визуальной интерпретацией таких персонажей, практически не затрагивалась исследователями, как и в целом проблема взаимоотношения вербального и визуального. Анализ визуальных объектов на сегодняшний день является одним из передовых и бурно развивающихся сегментов исторической науки; происходит активный перекрестный обмен методами между историей, культурологией, искусствоведением [1, с. 71].

Образ Бабы-Яги занимает особое место в исследованиях, посвященных сказочным персонажам. Он привлекал многих ученых по причине своей сложности и неоднозначности. В.Я. Пропп отмечал: «Яга очень трудный для анализа персонаж. Её образ складывается из ряда деталей. Эти детали, сложенные вместе из разных сказок, иногда не соответствуют друг другу, не совмещаются, не сливаются в единый образ» [2, с. 36]. В.Я. Пропп возводил образ Бабы-Яги к обрядам перехода, а также подчеркивал его тесную связь с миром мертвых (Яга – страж на границе мира живых и мира мертвых, либо хозяйка «иномирья», мать всех лесных животных и т.д.). А.Н. Малаховская особенно отмечает связь персонажа с божеством плодородия эпохи

матриархата [3, с. 56]. Некоторые исследователи, в частности, К.Д. Лаушкин [4, с. 181], А.А. Потеня [5, с. 256] акцентировали внимание на зооморфной природе Яги, указывая на ее родство со змеей как олицетворением смерти. И это далеко не полный перечень трактовок образа Бабы-Яги.

Тем не менее ряд вопросов, касающихся генезиса, семантики, мифологической природы такого персонажа, как Баба-Яга, на сегодняшний день раскрыт недостаточно. Как было отмечено выше, неисследованным остаётся ещё один момент, а именно – визуальная интерпретация образа. Важно выяснить, какой именно Баба-Яга предстает в воображении художников, какие детали облика Яги выхватывает воображение – это в первую очередь детали, высвечивающие демоническую сущность персонажа, или же детали, роднящие его с божеством плодородия, свидетельствующие о связи с обрядами перехода?

Многочисленные иллюстрации (и живописные полотна), посвященные данному сказочному персонажу, пока остаются вне поля зрения историков. То же самое можно сказать и о двух лубках с Бабой-Ягой, относящихся к 1760-м гг., – «Баба-Яга едет с крокодилом драться» (в двух вариантах) и «Баба-Яга пляшет со стариком» [6, с. 273–274]. А между тем лубочные картинки представляют исключительный интерес, так как Баба-Яга здесь изображена в нетипичном виде, и в целом подобных сюжетов с этим персонажем мы не встречаем в волшебных сказках. В этом отношении книжные иллюстрации с Бабой-Ягой вызывают меньше вопросов: художники иллюстрируют конкретные сказки, и образ Бабы-Яги в иллюстрациях соответствует образу из сказок. Здесь сохраняются не только главные атрибуты Яги (пусть и претерпевая определенные изменения в связи с индивидуальным видением персонажа каждым из художников), но и особенности ее взаимодействия с другими героями. Так, И.Я. Билибин [7, с. 6], Б.В. Зворыкин [8, с. 49] иллюстрировали сказки из сборника А.Н. Афанасьева; В.М. Васнецов [9, с. 40] вдохновлялся ими же, создавая свою картину «Баба-Яга», и, нужно отметить, что их интерпретации сказочного образа Бабы-Яги во многом являются схожими. В случае же с лубками вопрос об источниках возникновения несколько нетипичного образа Бабы-Яги требует отдельного изучения.

Цель статьи заключается в выявлении отражения исторических и социальных реалий в изображениях Бабы-Яги на лубочных картинках. Соответственно задачи исследования являются следующими: сравнить образ Бабы-Яги из лубков с образом из сказок, выделяя общее и особенное

(внешний вид, атрибуты, сюжетная составляющая), проследить происхождение этих лубочных сюжетов, указать специфические черты лубочных изображений, сделав акцент на их сатирическом характере. В этом, на наш взгляд, заключается новизна исследования, поскольку акцент на сатиричности изображений направлен на выявление особенностей отражения в народном восприятии исторических и социальных реалий.

Источниковую базу исследования составляют материалы, собранные Д.А. Ровинским [6], а именно лубочные картинки, на которых изображена Баба-Яга. Кроме того, в качестве источников мы привлекли сборники сказок: «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева [10], а также «Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века)» [11], что позволит выявить круг сюжетов, в которых обычно фигурирует Баба-Яга, черты ее облика и т.п. с целью дальнейшего сопоставления с образом из народных картинок.

С учетом междисциплинарного характера работы нами применяются разнообразные методы исследования. Так, особая роль отведена иконографическому методу – при анализе лубочных картинок обращается пристальное внимание не только на характерные и узнаваемые черты представленной на них Бабы-Яги, атрибуты персонажа, но и на содержательную сторону, а также прослеживается связь изображения и сказочных текстов. Применяется также сравнительный анализ визуальных изображений и данных фольклора. Кроме того, при рассмотрении сказок осуществляется текстологический анализ образа Бабы-Яги: все выводы касаются облика Яги, ее атрибутов и т.д. получают текстуальное подтверждение.

В первую очередь остановимся на рассмотрении самих лубочных картинок с Бабой-Ягой. Лубок «Баба-Яга едет с крокодилом драться» сохранился в двух сравнительно близких вариантах, ранний оттиск датирован 1766 годом [12, с. 184]. На первой картинке (рис. 1) изображена Баба-Яга, готовящаяся вступить в бой с крокодилом: раскинув руки, Яга грозит ему пестом; топор и грабли заткнуты у неё за поясом. Что касается внешнего облика персонажа, на анализируемом лубке у Бабы-Яги большой кривой нос и длинный язык, размерами же Яга не превосходит прочих персонажей, представленных на картинке. Относительно возраста сложно сказать что-то определенное: акцент сделан скорее не на нем, а на внешней непривлекательности героини. Одета она в народный костюм с вышивкой. На лубке есть еще два персонажа: свинья, на которой сидит верхом Баба-Яга, и крокодил. Однако от реального крокоди-

ла он весьма далек: это некое фантастическое существо, имеющее признаки, как животного, так и человека. Добавим также, что на картинке именно Баба-Яга является наиболее активным персонажем: она управляет свиньей при помощи вожжей и бьется с крокодилом, который явно занимает оборонительную позицию. Между ними – склянка с вином, за которую и происходит «сражение». В нижнем углу изображен кораблик. В верхней части картинке помещена надпись: «Баба-Яга едет с Крокодилом драться на свинье с пестом да у них же под кустом скляница с вином» [13, с. 52]. Подчеркивается,



Рис. 1. Драка Бабы-Яги с крокодиллом. Лубок из собрания Д. Ровинского № 224



Рис. 2. Драка Бабы-Яги с крокодиллом. Лубок из собрания Д. Ровинского № 225



Рис. 3. Баба-Яга с плешивым мужиком. Лубок из собрания Д. Ровинского

существо, имеющее признаки, как животного, так и человека. Добавим также, что на картинке именно Баба-Яга является наиболее активным персонажем: она управляет свиньей при помощи вожжей и бьется с крокодилом, который явно занимает оборонительную позицию. Между ними – склянка с вином, за которую и происходит «сражение». В нижнем углу изображен кораблик. В верхней части картинке помещена надпись: «Баба-Яга едет с Крокодиллом драться на свинье с пестом да у них же под кустом скляница с вином».

Вторая картинка (рис. 2) отличается от рассмотренной выше лишь незначительными деталями (различия носят преимущественно стилистический характер). Единственное, что стоит отметить: Баба-Яга представлена на этом лубке в более обезображенном виде, чем на первом, кроме того, на второй картинке она увеличена в размерах. Наиболее примечательным является то, что надпись здесь приводится в несколько измененном варианте: «Баба-Яга деревянная нога едет с Крокодиллом драться на свинье с

что у Бабы-Яги деревянная нога, хотя на самом изображении этого не рассмотреть (впоследствии остановимся на данном моменте более подробно).

На лубке «Баба-Яга пляшет со стариком» (рис. 3) исследуемый персонаж помещен в иной контекст, однако его внешний вид во многом схож с внешним видом Бабы-Яги, изображенной на первой картинке (рис. 1): тот же большой нос, высунутый язык и в целом непривлекательный облик, костюмы тоже имеют некоторое сходство. Персонаж, с которым взаимодействует Яга, – мужик, играющий на волынке. Как и на первом лубке, здесь Баба-Яга запечатлена в движении. В верхней части картинке есть следующая надпись: «Яга-баба с мужиком с плешивым стариком скачут пляшут в волынку играют а ладу не знают».

Далее предпримем попытку выявить сходство между Бабой-Ягой – персонажем лубочных картинок и Бабой-Ягой – персонажем народных сказок. При анализе лубочных изображений нами были отмечены такие черты облика Бабы-

Яги, как принадлежность скорее к старшей возрастной группе, внешняя непривлекательность, длинный нос и язык (на каждом из лубков), гипертрофированные размеры, деревянная нога (на одной из картинок).

Сравнивая это со сказочным материалом, обнаруживаем немало совпадений. Во многих сказках сделан акцент на том, что Баба-Яга является старухой [10, с. 134], а в некоторых сказках и на ее отталкивающей внешности: «такая страшна... что уж и не подумать; ой как страшна...» [14, с. 58]. Зачастую подчеркиваются громадные размеры Бабы-Яги: «Идет мужик в избушку, а в ней Баба-Яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом – другая» [10, с. 124]. Есть указания и на гипертрофированные размеры отдельных частей тела, в частности, носа и языка: «нос в потолок врос» [10, с. 130]; «языком в печи пашет, мосток подпахивает» [14, с. 58]. Во множестве сказок присутствует упоминание того факта, что у Бабы-Яги костяная нога [10, с. 124]. Но она может быть и деревянной, о чем говорится в надписи к одной из анализируемых нами лубочных картинок, а также железной [15, с. 30].

Что касается атрибутов Бабы-Яги, на лубках представлен пест. Это один из традиционных атрибутов Яги, очень часто упоминаемый в сказках: «едет в ступе, пестом погоняет, а помелом следы замечает» [10, с. 135]. Кстати, существуют сюжеты, где Баба-Яга использует пест в качестве оружия (как и в лубочном изображении): «Схватила толкач [пест], начала бить Усынюшку» [10, с. 246].

Если говорить о формах взаимодействия Бабы-Яги – персонажа лубочных картинок с другими персонажами, то они следующие: свиньей Баба-Яга управляет, поехав верхом на ней на битву, с крокодилом вступает в схватку, с мужиком танцует. Сопоставим это с текстами сказок, рассмотрев каждый вариант взаимодействия по отдельности.

Так, одной из составляющих образа Бабы-Яги является роль хозяйки леса, имеющей власть над всеми животными. Хотя сюжет со свиньей не зафиксирован, есть сказки, где Яга повелевает, например, рыбами, птицами, лошадьми [14, с. 64–65]. Похожую ситуацию отмечаем, рассматривая бой Бабы-Яги с крокодилом. Мотив битвы встречается в сказках, где фигурирует Баба-Яга. Вообще, яга-воительница – один из трех функциональных типов яги, выделенных В.Я. Проппом [2, с. 36]. Обычно в таких сюжетах Яга по собственной инициативе вступает в бой с богатырями и даже наносит им ряд поражений [10, с. 246–247]. Битва же Бабы-Яги с крокодилом (как и сам этот персонаж) в

сказках не встречается. Сюжет с пляшущей Бабой-Ягой в сказочных текстах также отсутствует.

Выше нами было отмечено, что на лубках именно Баба-Яга – наиболее активно действующий персонаж. Аналогичную ситуацию встречаем и в сказках: чаще всего в них Яга отличается повышенной активностью – нередко эпизоды, где она выбегает навстречу герою, откуда-то выскакивает, при этом крича или свистя [14, с. 59] (это характеризует ее как демонологического персонажа).

Таким образом, внешний облик Бабы-Яги из лубочных картинок имеет много общих черт с обликом данного персонажа в волшебных сказках, то же можно сказать и об атрибутах Яги. Эти части образа Бабы-Яги явно заимствованы создателями лубков из сказок. А вот с сюжетной составляющей всё обстоит иначе: в сказках отсутствуют некоторые сюжетные линии, которые имеются в лубках. Вопрос об источниках таких сюжетов остается открытым.

Оговоримся, что при анализе мы опирались на сказки из сборника А.Н. Афанасьева, который вышел в свет в 1855–1866 гг. [16, с. 10]. Но нами были рассмотрены и более ранние сборники: «Сказки русские» П. Тимофеева (1787 г.), «Лекарство от задумчивости» (1786 г.), так как, по мнению Н.В. Новикова, именно эти издания служили основным источником сказочного лубка конца XVIII – первой половины XIX в. [11, с. 34]. Мы проанализировали все сказки, где фигурирует Баба-Яга, пытаясь выявить сюжеты, которые могли послужить источником для лубочных изображений, а в дальнейшем, например, быть утраченными или войти в последующие сборники сказок в переработанном варианте. Однако мы установили, что образ Бабы-Яги из сборников сказок конца XVIII в. не имеет принципиальных отличий от образа Бабы-Яги, представленного в сборнике второй половины XIX в. Это является ещё одним подтверждением правоты исследователей, считавших, что продуктивное развитие сказочного образа Бабы-Яги завершилось достаточно рано – к концу XVII в. [17, с. 5]. По этой причине обнаружить искомые сюжеты не удалось.

Но если не сказки являются источником подобных сюжетов, то каким образом они могли попасть в лубочные картинки? Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на некоторые специфические черты лубка.

По словам Ю.М. Лотмана, «лубок ... принадлежал, конечно, не обыденному, будничному и домашнему миру, а миру праздничному и театральному» [18, с. 330]. Вообще лубок состоял в тесной связи с театром. Он зачастую воспроизводил шутовское поведение. Помимо

шутовских, на театральное зрелище, игру также были ориентированы многочисленные эпические и любовные сюжеты лубков [18, с. 325]. Круг тем был довольно широк: помимо рисунков, посвященных скабрезным сюжетам, встречались лубки, в которых затрагивались более сложные темы. В качестве примера можно привести рисунки, представлявшие собой сатиру на социальную несправедливость, – прибегая к сатирическим аллегориям, авторы лубков освещали вопросы, особенно волновавшие людей в их повседневной жизни [19, с. 22–23].

Д.А. Ровинский указывал на то, что лубки с Бабой-Ягой имеют сатирический характер. Он отнес их к серии «раскольничьих листов» (своеобразный ответ старообрядцев на нетерпимую по отношению к ним политику Петра I) и посчитал пародией на семейные отношения Петра I и Екатерины Алексеевны. Рассматривая лубок «Драка Бабы-Яги с крокодилом», Д.А. Ровинский подчеркивал, что одета Баба-Яга в «чухонский костюм», делая намёк на происхождение Екатерины; в кораблике, помещенном в нижнем углу изображения, он тоже усматривал атрибут петровского правления [6, с. 273].

Фигура крокодила особенно интересна. Как уже было отмечено выше, существо, изображенное на этой народной картинке, имеет с реальным крокодилом крайне мало общих черт: у него человеческое лицо, борода, лапы, напоминающие обезьяньи, пушистый хвост. Такой облик крокодила можно объяснить тем, что люди на Руси в большинстве своем плохо представляли, как выглядит столь экзотическое животное, но, исходя из описаний его внешнего облика, понимали, что это нечто страшное. В древней письменности название «крокодил» (в вариантах «коркодилъ», «каркарладиль») нередко использовалось для обозначения любого хищного зверя, иногда ко всему прочему наделенного и фантастическими свойствами [20, с. 721].

Как отмечал К.А. Богданов, по описаниям внешнего облика «это существо напоминало легендарно-фольклорных змеев, драконов и соответственно связывалось с пугающими образами дохристианского и/или антихристианского мира» [12, с. 164]. Образ этого невиданного зверя в народных представлениях соединялся с образом дьявола. Представление о христианине-змееборце (истоки данного образа восходят к змееборцам античной мифологии) тиражировалось в эпоху Средневековья в многочисленных легендах о героях-победителях драконов [12, с. 173], в произведениях искусства (в том числе в миниатюрах). Возвращаясь к лубку «Драка Бабы-Яги с крокодилом», отметим, что он напоминает скоморошеское обыгрывание христи-

анских миниатюр со змееборческим сюжетом. Кстати, то, что крокодил может иметь связь с дьявольским образом, тоже не исключает намеков автора лубка на петровское правление – старообрядцы отождествляли Петра I с антихристом: «Раскольники ... звали его антихристом и лютым зверем крокодилом» [6, с. 271].

Следует отметить, что точку зрения Д.А. Ровинского разделяют не все исследователи. Например, К.А. Богданов делает акцент на том, что данные лубочные изображения были созданы в 1760-е гг., а это не слишком соотносится с иллюстративным поношением Петра I и его жены спустя годы после их смерти [12, с. 185]. К тому же вряд ли народ мог быть осведомлен о личной жизни императора настолько, чтобы делать выводы о характере его отношений с супругой.

Кроме того, подчеркнем, что в большинстве случаев лубки не предполагают столь сложного истолкования. Так, крокодил мог быть помещен рядом с Бабой-Ягой только из желания автора добавить изображению «экзотизма». Эпизод с дракой этих персонажей может являться простым повторением сцены драки из какой-либо другой лубочной картинке («Удалые молодцы – добрые борцы», лубки с Бовой Королевичем и др.). Данное изображение, определенно, носит сатирический характер. На это указывает и надпись, сопровождающая лубочную картинку, – она является рифмованной (как и на лубке «Баба-Яга пляшет со стариком»), то есть здесь смеховому характеру картинке соответствует и надпись, комментирующая ее [12, с. 185]. Но на что именно эта сатира, установить достаточно сложно. Мнение о том, что лубок «Драка Бабы-Яги с крокодилом» высмеивает Петра I и Екатерину Алексеевну, можно рассматривать в качестве одной из версий.

Д.А. Ровинский и лубок «Баба-Яга пляшет со стариком» считал пародией на Петра I и его жену, только в несколько измененном виде [6, с. 273]. По мнению же современных исследователей, этот лубок иллюстрирует особенности народной низовой культуры: Баба-Яга и мужик одеты в стилизованные народные костюмы, мужик играет на волынке (одном из любимых инструментов скоморохов). Причудливые движения персонажей могут представлять собой отражение характера скоморошских плясок. Так как власть и церковь относились к скоморохам отрицательно, их выступления были запрещены. Но вполне возможно, что лубочная картинка сохранила некоторые элементы смеховой культуры Средневековья [21].

Таким образом, сопоставив образ Бабы-Яги из лубочных картинок с ее сказочным образом, мы обнаружили, что Баба-Яга – персонаж лубка

сохранила основные черты внешнего облика Яги из волшебных сказок и её важнейшие атрибуты. Однако этого нельзя сказать о сюжетной составляющей: некоторые контексты, в которые помещена Баба-Яга (танец с мужиком), и персонажи (крокодил), с которыми она взаимодействует в лубках, отсутствуют в сказках. Мы предприняли попытку выявить причины этого, обращая внимание, в первую очередь, на специфику лубочных изображений, зачастую носивших сатирический характер. Такой характер свойствен и лубкам с Бабой-Ягой. Целью художника было высмеять ту или иную ситуацию, и здесь в ход шли всевозможные средства: помещение персонажей из сказок в нетипичные для них ситуации, введение фантастических героев, а также сюжетных линий, излюбленных авторами лубков и повторяющихся из картинку в картинку и т.д.

На наш взгляд, сравнительный анализ визуальных и нарративных источников, содержащих в себе сведения о народной религиозности, позволит пролить свет не только на некоторые аспекты повседневной жизни русского народа, но и на особенности восприятия социальных и политических реалий эпохи.

Список литературы

1. Малкина Л.Н. Методологические проблемы использования визуальных источников в историко-культурологических исследованиях // *Баландинские чтения*. 2018. № 1. С. 71–74.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
3. Малаховская А.Н. Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2006. 344 с.
4. Лаушкин К.Д. Баба-Яга и одноногие боги (К вопросу о происхождении образа) // *Фольклор и этнография*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. С. 181–186.
5. Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М.: Университетская типография, 1865. 310 с.
6. Русские народные картинки: в 2-х томах. Т. 1 / Собрал и описал Д.А. Ровинский; посмертный труд печатан под наблюдением Н.П. Собко. СПб.: Издание Р. Голике, 1900. 368 с.
7. Василиса Прекрасная / Рис. И.Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1902. 12 с.
8. Русские народные сказки / Ил. Б.В. Зворыкина. М.: Игра слов, 2008. 88 с.
9. Васнецов // *Великие художники*. Т. 30 / Под ред. А. Барагамяна. М.: Комсомольская правда, 2010. 48 с.
10. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трёх томах. Т. I / Издание подготовили Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984. 511 с.
11. Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступительная статья, подготовка текста и комментарий Н.В. Новикова; Отв. ред. Э.Б. Померанцева. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971. 288 с.
12. Богданов К.А. О крокодилах в России: очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 348 с.
13. Соколов Б.М. «Баба Яга деревяна нога едет с каркарладилом дратиться»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // *Живая старина*. 1995. № 3. С. 52–55.
14. Никитина А.В., Рейли М.В. Баба-Яга в сказках Русского Севера // *Русский фольклор: материалы и исследования*. Т. 33 / Отв. ред. А.Ю. Кастров. СПб.: Наука, 2008. С. 28–74.
15. Добровольская В.Е. Баба-Яга: к вопросу об исконной природе и возможной эволюции персонажа // *Образный мир традиционной культуры: Сборник статей* / Сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 24–35.
16. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 135 с.
17. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. 255 с.
18. Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // *Статьи по семиотике культуры и искусства* / Сост. Р.Г. Григорьев. СПб.: Академический проект, 2002. С. 322–339.
19. Жердев Е.В., Рыжкина Е.Н. Гротеск в графическом искусстве // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда*. Вестник МГХПА. 2015. № 1. С. 13–30.
20. Черепанова О.А. Из бестиария традиционной культуры в России XVIII–XX вв.: этнолингвистический аспект // *Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения учёного* / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 714–728.
21. Баба Яга пляшет со стариком [Электронный ресурс] // *НЭБ*. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/baba-yaga-plyashet-so-starikom> (дата обращения: 25.09.2020).

**VISUALIZATION OF SOCIAL SATIRE IN 18TH CENTURY RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF IMAGE BABA-YAGA)**

A.A. Orlova, Yu.S. Obidina

The relevance of the article is associated with the need to attract new sources, especially visual ones, into historical research from the standpoint of interdisciplinary approaches to individual problems and plots. As such sources, the article considers popular prints with Baba Yaga and the peculiarities of the image of the characters in them in terms of the historical context. According to the purpose of the study, a comparison of the image of Baba Yaga from popular prints with the image from fairy tales to analyze the reflection of historical and social realities in them was made. It was concluded that the appearance and attributes of Baba Yaga, the heroine of the popular prints, were borrowed from fairy tales, but the character was placed in an atypical context for him. It is suggested that the reason for this lies in the specifics of popular prints, which, reflecting historical realities, were often satirical in nature, which determines the features of the depiction of the characters, as well as the set of situations in which they appear.

Keywords: visual research, fairy tales, social satire, Baba-Yaga, popular prints.

References

1. Malkina L.N. Methodological problems of the use of visual sources in historical and cultural studies // *Balandinsky readings*. 2018. № 1. P. 71–74.
2. Propp V.Ya. *Historical roots of a fairy tale*. M.: Labyrinth, 2000. 336 p.
3. Malakhovskaya A.N. The legacy of Baba Yaga: religious ideas reflected in a fairy tale, and their traces in Russian literature of the XIX–XX centuries. St. Petersburg: Aleteya, 2006. 344 p.
4. Laushkin K.D. Baba-Yaga and the one-legged gods (On the question of the origin of the image) // *Folklore and ethnography*. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1970. P. 181–186.
5. Potebnya A.A. About the mythical meaning of certain rituals and beliefs. M.: University Printing House, 1865. 310 p.
6. *Russian folk pictures: in 2 volumes*. Vol. 1 / Collected and described by D.A. Rovinsky; the posthumous work was printed under the supervision of N.P. Sobko. St. Petersburg: Publishing house of R. Golike, 1900. 368 p.
7. *Vasilisa the Beautiful* / Fig. I. Ya. Bilibina. SPb.: Ed. Expeditions of preparation of State papers, 1902. 12 p.
8. *Russian folk tales* / Ill. B.V. Zvorykina. M.: A game of words, 2008. 88 p.
9. Vasnetsov // *Great artists*. Vol. 30 / Ed. by A. Baragamyam. M.: Komsomolskaya Pravda, 2010. 48 p.
10. *Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev in three volumes*. Vol. I / The edition was prepared by L. G. Barg and N.V. Novikov. M.: Nauka, 1984. 511 p.
11. *Russian fairy tales in early records and publications (XVI–XVIII centuries)* / Introductory article, text preparation and commentary by N.V. Novikov; Ed. by E. B. Pomerantsev. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1971. 288 p.
12. Bogdanov K.A. About crocodiles in Russia: es- says from the history of borrowings and exoticism. M.: *New Literary Review*, 2006. 348 p.
13. Sokolov B.M. «Baba Yaga derevyan leg rides with karkarladil dratitia»: The word in the splint as a symbol of «written culture» // *Zhivaya starina*. 1995. № 3. P. 52–55.
14. Nikitina A.V., Riley M.V. Baba Yaga tale in the framework of the Russian North // *Russian folklore: materials and research*. Vol. 33 / Ed. edited by A.Y. Castrov. SPb.: Science, 2008. P. 28–74.
15. Dobrovolskaya V.E. Baba Yaga: the issue about the original nature and possible evolution of the character // *In the Imaginative world of traditional culture: a Collection of articles* / Comp. M.D. Alekseevsky, V.E. Dobrovolskaya, A.B. Ippolitova. M.: GRTSRF, 2010. P. 24–35.
16. Vedernikova N.M. *Russian folk tale*. M.: Nauka, 1975. 135 p.
17. Novikov N.V. *Images of the East Slavic fairy tale*. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1974. 255 p.
18. Lotman Yu.M. The artistic nature of Russian folk pictures // *Articles on the semiotics of culture and art* / Comp. R.G. Grigoriev. St. Petersburg: Academic Project, 2002. P. 322–339.
19. Zherdev E.V., Ryzhkina E.N. Grottesque in graphic art // *Decorative art and the subject-spatial environment*. *Bulletin of the MGHPA*. 2015. № 1. P. 13–30.
20. Cherepanova O.A. From the bestiary of traditional culture in Russia of the XVIII–XX centuries: ethnolinguistic aspect // *Academician A.A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage: A collection of articles for the 150th anniversary of the scientist's birth* / Ed. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. P. 714–728.
21. Baba Yaga dances with an old man [Electronic resource] // NEB. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/baba-yaga-plyashet-so-starikom> (Date of access: 25.09.2020).